

Ислам и политика: сравнительный анализ некоторых западных и отечественных подходов к проблеме*

Islam and Politics: Comparative Analysis of Some Western and Domestic Approaches to the Problem

Р. ГАЛЛЯМОВ, И. МАВЛЯУТДИНОВ

Галлямов Рушан Рахимзянович, д-р соц. наук, профессор, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. ORCID: 0000-0002-7080-9150. E-mail: gal-rushan@yandex.ru

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович, канд. соц. наук, доцент, доцент Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. ORCID: 0000-0001-7859-6973. E-mail: ildarmav@yandex.ru

***Аннотация.** На основе сравнительного анализа различных теоретических подходов делается вывод о соотношении ислама и политики в представлениях современных зарубежных и отечественных авторов, в том числе – во взглядах «модернистских» и «неомодернистских» концепций исламского вероучения. Показаны наиболее распространённые стереотипы западных авторов во взглядах на роль политики в функционировании исламской уммы, прослеживается их современная эволюция. Выявлены некоторые позиции отечественных авторов по данной проблеме, определен трансформационный потенциал модернистских направлений исламской теории. Авторы считают, что успешным историческим примером модернизации исламского вероучения, с точки зрения инновационного осмысления роли политики, является исламское движение джадидизма, которое успешно развивалось в России в конце XIX – начале XX века.*

***Ключевые слова:** ислам, политика, современные зарубежные и отечественные подходы, сравнительный анализ.*

***Abstract.** Based on a comparative analysis of various theoretical approaches, the article concludes on the relationship between Islam and politics in the views of contemporary foreign and domestic authors, including the views of “modernist” and “neomodernist” concepts of Islamic theology. The article presents the most common stereotypes of Western authors on the role of politics in the functioning of the Islamic Ummah and traces their modern evolution. It also identifies some positions of domestic authors on this issue and determines the transformational potential of modernist trends in Islamic theory. The authors believe that the Islamic Jadidism movement, which was successfully developed in Russia in the late 19th and early 20th centuries, is a successful historical example of the modernization of Islamic doctrine in terms of innovative understanding of the role of politics.*

***Key words:** Islam, politics, modern foreign and domestic approaches, comparative analysis.*

Введение

Ислам, наряду с православием, издавна играл важную роль в формировании общественного сознания многонациональной и многоконфессиональной России. Видимо поэтому, даже после десятилетий господства «воинствующего атеизма» и более мягкой советской государственной религиозной политики в послевоенный период, в стране начался процесс динамичного религиозного возрождения, в значительной степени затронувший и исламскую умму. Этот

* Ссылка на статью: Галлямов Р.Р., Мавляутдинов И.С. Ислам и политика: сравнительный анализ некоторых западных и отечественных подходов к проблеме // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 1. С. 171–177. DOI: 10.34773/EU.2026.1.31.

Р.Р. Галлямовым статья выполнена в рамках осуществления государственного задания УФИЦ РАН 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов.

«постсоветский мусульманский ренессанс» в России хронологически совпал с общемировым увеличением числа мусульман и радикализацией некоторых направлений ислама.

Одним из наиболее значимых и дискуссионных последствий возрождения ислама в России стала его политизация. В современной науке вот уже несколько десятилетий ведутся активные дебаты относительно соотношения политического и религиозного начал в исламском мире. Поэтому исследование современных подходов к пониманию «политического ислама» и, шире, роли ислама в политике актуально не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте.

1. Место ислама в межрелигиозном пространстве России и его политизация как новейший феномен

Исторический опыт Российской империи свидетельствует о том, что ислам, несмотря на второстепенное (по сравнению с православием) положение в официальной конфессиональной политике, всегда оставался значимой составляющей общественного уклада. Мусульмане в ряде регионов (Поволжье, Урал, Северный Кавказ и др.) всегда были коренными жителями, что создавало предпосылки для длительного и относительно мирного сосуществования с православным большинством.

С окончанием периода советской власти и либерализацией религиозной сферы начался процесс активного роста числа верующих, количества организаций и регистрации множества общин, строительства мечетей, возрождения разноуровневых религиозных учебных заведений. Этот ренессанс совпал с общемировыми тенденциями: бурным ростом мусульманского населения и усилением радикальных течений. Многие отечественные и зарубежные эксперты (включая авторитетных российских авторов В.В. Наумкина [9], А.В. Малашенко [6], Д.В. Макарова [5] и др.) отмечают, что одним из наиболее противоречивых аспектов возрождения ислама стала именно его политизация. Этот процесс выразился в активном включении сторонников исламской религии в политические процессы, в том числе – в использовании исламской риторики в борьбе за власть или ресурсы. А это, в конце концов, подтолкнуло ислам к «джихадизации», то есть к генерированию его крайне радикальных, иногда террористических и экстремистских форм.

Если объединить сформулированные вышеназванными отечественными авторами по этому поводу идеи, необходимо выделить следующие наиболее значимые факторы политизации российского ислама, в том числе, внутриполитические: а) неспособность иерархов традиционного российского ислама в полной мере, на современном уровне, удовлетворить пробудившийся мощнейший интерес его потенциальных последователей к вероучению и идеологии этой религии; б) крах прежних концептов регулирования конфессионального развития со стороны государства и неоперативная разработка новейших подходов к данной проблеме; в) применительно к отдельным регионам (Северный Кавказ) – превращение результатов возрождения уммы в инструмент разрешения экономических и политических конфликтов между соперничающими лидерами, кланами, региональными группировками, часто – криминального толка. Большую роль для внутрирегиональных политиков играло и стремление к обретению протектората со стороны представителей федеральной власти на основе предоставления тех или иных преференций [7].

2. Западные подходы к политическому исламу

До периода активизации исламских движений в 1970–1980-е гг. на Западе бытовало мнение о снижении политического влияния ислама. В целом, как совершенно справедливо отмечает политолог С.А. Рагозина, «В рамках западной теории модернизации ислам (в самом широком смысле слова – от философской системы до социально-политических идеалов) воспринимается как некое отклонение от западной логики исторического процесса и социального развития... Подобный подход ... существенно ограничивает изучение ислама, сводя все исследования к попыткам классифицировать ислам на разные степени умеренности и радикальности» [10].

С 1980–1990-х гг. в западных исследованиях активно развивается и укрепляется представление об исламском радикализме (или «исламизме») как политико-идеологическом течении, которое становится и причиной, и следствием тлеющей и постепенно разгорающейся

конфронтации между, с одной стороны, западной по происхождению стратегией безудержной демократизации и глобализации со всеми ее социокультурными коллизиями (трансгендерность, бездетность и т.д.), с другой – стремлением мусульман к сохранению традиций культурной и религиозной аутентичности. Известный французский эксперт Тьерри де Монбриаль утверждал, что усиление «исламского влияния» станет одной из главных проблем для «трансатлантического сообщества» в ближайшей перспективе, а борьба с этим феноменом потребует от Запада серьёзных ресурсов [3].

Однако подобные тексты, по мнению ряда исследователей (Л. Адди [1], Дж.Л. Эспозито [13] и др.), нередко грешат политической ангажированностью, а их авторы видят в исламе либо «препятствие на пути демократизации», либо источник экстремизма, не учитывая множественность интерпретаций и проявлений исламской доктрины. Например, профессор университета науки и технологий Орана имени Мохамеда Будиафа (Алжир) Лахоари Адди сформулировал и доказал, что «В политическом смысле ислам – это возглас протеста против условий существования, которые ощущаются как невыносимые, это поиск социальной справедливости» [1].

Анализ различных работ зарубежных и отечественных авторов показывает, что, по мнению научно-аналитического сообщества, в современных условиях происходит мощная и многосторонняя политизация ислама во всем мусульманском мире. И главным триггером этой политизации, по мнению самих участников исламской политики, выступает соответствующее, современное прочтение первоисточников веры, Корана и Сунны. Одновременно большая часть теоретиков и практиков из числа исламских авторитетов утверждает, что ничто, кроме основ мусульманского вероучения, не может определять устройство государства, политики и основ всего современного общества.

В то же время, можно сказать, что практически сформировавшейся тенденцией новейших исламских теологических концептов стало положение, интенсивно доказываемое отдельными российскими авторами (Д.В. Мухетдинов) о том, что «В теории исламского вероучения, наряду с исламизмом и его течениями (“радикальным” или “умеренным”) ...существует особый подход, основанный на признании того, что ислам не предписывает какого-то конкретного политического устройства и не содержит конкретизированной политической теории» [8]. Данная точка зрения, по мнению процитированного автора, основана на признании Корана, как священной книги мусульман, только этическим и нравоучительным текстом. При этом возник и стал активно пропагандироваться сформулированный таким образом подход, по мнению эксперта, наиболее интенсивно, главным образом начале XX века, в значительной степени представителями «модернистского» (джадидизм) учения. Автор утверждает также, что эстафету джадидистов подхватили на современном этапе авторы так называемого «неомодернистского» концептуального подхода в теории ислама.

3. Отечественные исследования политизации ислама. Джадидизм как пример мусульманского модернизма.

В работах отечественных учёных признаётся, что исламизация и политизация ислама в современной России (особенно в 1990-е гг.) развивались параллельно с появлением радикальных течений, в том числе джихадистского толка. В этом смысле можно выделить два аспекта проблемы: международно-политический и внутривнутриполитический.

Что же касается выявления внутривнутриполитических причин политизации российской уммы, то выше уже описаны главные факторы этого процесса, сформулированные отечественными специалистами.

Более подробная характеристика феномена политизации российской исламской уммы содержится в предшествующих публикациях авторов настоящей статьи [2; 4].

Однако нам представляется пока недостаточным, с точки зрения учета инновационных подходов к феномену политики, внимание исследователей к трансформационному потенциалу такого внутри конфессионального исламского движения как джадидизм (арабск. «джадид» – новый), развернувшегося в конце XIX – начале XX века поначалу в некоторых азиатских

странах, а затем – в царской России. Это просветительское по своей сути движение, активно развивающееся внутри исламской уммы начиная еще с конца XIX века, наглядно продемонстрировало то, как российская мусульманская умма под влиянием внутренних прогрессивных реформистских идей может не только абсорбировать наиболее модернистские идеи западной (европейско-российской в то время) политико-культурной парадигмы, но и сохранять при этом свои глубинные религиозные ценности, активно совершенствуя исламскую доктрину.

Начиная со второй половины XIX века и, особенно, в первые десятилетия XX века наибольшую роль в развитии теории и просветительской практики джадидистского движения сыграли именно выходцы из Российской империи, в связи с разворачиванием в этот период в стране известных общественно-политических процессов. Своеобразные теоретические основы российского джадидизма заложили, оказав заметное влияние на весь мусульманский мир, такие религиозные деятели, как татарский богослов, религиозный реформатор, мыслитель и просветитель Абу Насра ал-Курсави (1776-1812) и его последователь, выдающийся татарский мусульманский богослов, просветитель, этнограф, археолог, востоковед и педагог, имам знаменитой 1-й Казанской мечети Шигабутдин Марджани (1818-1889).

С конца XIX века и, особенно, после первой русской революции 1905 года, наиболее значительный вклад в развитие теории и практики российского джадидизма внесли такие деятели, как татаро-башкирский просветитель, мусульманский религиозный деятель, ишан, один из классиков суфизма из города Троицка, основатель знаменитой джадидистской мечети «Расулия» Зайнулла Расулев (1833-1917); основатель и издатель всероссийской мусульманской газеты «Гарджиман», крымско-татарский общественный деятель, просветитель, писатель-публицист, издатель, педагог из города Бахчисарая (Крым) Исмаил Гаспринский (1851-1914); уфимский ученый-просветитель, историк, богослов, религиозный и общественный деятель, избранный в советское время верховным российским муфтием Риззэтдин Фахретдин (1859-1936); основатель и директор единственного в имперской России высшего исламского учебного заведения – уфимского медресе высшего уровня «Галия» (с 1906 по 1919 гг.), одновременно – выдающийся татарский богослов, Зыяэтдин Камали (1873-1942); татарский просветитель, последователь суфизма, основатель знаменитого, крупного и престижного духовного училища Казани медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди (1857-1921); выдающийся татарский философ-богослов, публицист Муса Бигиев (1873-1949) и другие [12].

Джадидистскую концепцию отличало от других интерпретаций исламского вероучения то, что она призывала отказаться от консерватизма в осмыслении общественного устройства. Теоретики и практики этого исламского модернизма обращали внимание мусульман на то, что необходимо тщательно изучать тысячелетнюю историю исламской уммы и находить в ней подходящие тому или иному историческому периоду принципы справедливого социального устройства. Критикуя своих единоверцев и, одновременно, оппонентов во взглядах на реализацию вероучения (кадимистов), джадидисты доказывали, что в условиях технического прогресса многократно возрастает и выходит на первый план значение этических норм свободомыслия, всеобщего образования, гендерного равноправия, восприятия передовых достижений науки и культуры. Сохраняющий свою доминирующую роль джихад, как борьба за распространение истинной веры, по мнению джадидистов, должен перейти совсем в другую плоскость: во-первых, преодоления невежества и неверия внутри себя; во-вторых, стремления к современному образованию, которое должно стать обязательным атрибутом истинного мусульманина; в-третьих, достижения равенства социальных прав мужчин и женщин при сохранении некоторых различий в исполнении гендерных обязанностей; в-четвертых, в выработке терпимого отношения к доминирующему светскому государству и к другим религиям; в-пятых, в борьбе с кяфирами (безбожниками) посредством убеждения и доказательств преимущества своей веры. Однако наиболее революционный прорыв во взглядах на общественно-политические процессы джадидисты сделали, провозгласив в качестве ориентации идеи, более близкие концептам народовластия, через парламентаризм – который, как они доказывали, основан на коллективном принятии решений, заложенном в самом Коране и Сунне в виде предписания Шуры [11].

Продолжая исследование преемственности идей «джадидистов» и «модернистов» (фактически – «неоджадидистов»), первый в современной России доктор мусульманской теологии Д.В. Мухетдинов пришел недавно к выводу о том, что «В своей социально-политической деятельности мусульманам необходимо стремиться к установлению этического социального порядка в мире». То есть, по мнению этого современного российского исламского теолога, «Правильно говорить не об “исламской политике” или “политическом исламе”, а о “социально-политической деятельности мусульман”, которая может являться крайне разнородной, что нормально для ислама, учитывая его глубинную плюралистичную интенцию» [8]. Данный автор считает, что «подлинное деление в социально-политической деятельности должно проводиться не между мусульманами (т.е. произнесшими шахаду) и немусульманами (т.е. не произнесшими шахаду), а между сторонниками этического социального порядка (т.е. мусульманами по духу) и сторонниками неэтичного, репрессивного социального порядка (то есть немусульманами по духу, хотя они и могут называть себя “мусульманами”» [8].

Необходимо подчеркнуть, что практики российского джадидизма сегодня вновь вызывают интерес в мусульманском мире, где изучается опыт российского ислама. В этом смысле российские мусульмане, в том числе из Урало-Поволжского и Северо-Кавказского макрорегионов, сформировали в ходе своей исторической практики многообразный и, в значительной степени, уникальный опыт, который оказался актуальным как для государств, возникших после развала СССР, так и для «традиционных» исламских стран Евразии и Африки, успешно развивающих свою общественно-политическую модернизацию. Как отмечают российские эксперты, подобные процессы могут способствовать развитию более толерантных форм «исламской демократии», согласующихся со светским устройством государства [11]. Как известно, например, в Турции, которая заинтересована в разработке новых идей модернизированного ислама, в последние десятилетия активно изучается опыт российской уммы, готовятся специалисты по джадидизму, защищаются по этой теме диссертации, проводятся соответствующие конференции национального и международного уровня.

Заключение

Подводя итоги проведенного в статье краткого компаративного анализа некоторых современных зарубежных и отечественных теоретических подходов к проблеме соотношения ислама и политики, мы пришли к следующим основным выводам.

Во-первых, ключевыми противоречиями и перспективами развития политического ислама является то, что, с точки зрения оценки его природы, многие исследователи соглашаются: ислам в современном мире нередко используется в политической борьбе за ресурсы и власть. При этом далеко не всегда религиозный фактор является первичным; часто он лишь «прикрывает» геополитические или экономические интересы. При этом существует множественность исламских интерпретаций, т.к. внутри исламского мира отсутствует единый центр религиозного авторитета. Этничность, клановые структуры, различия в толкованиях Корана, отношение к секуляризации – всё это вносит разобщённость в умму. В результате радикальные группы могут апеллировать к идее Халифата, тогда как умеренные или «модернистские» движения стремятся к реформе социальных отношений и диалогу с современностью.

Во-вторых, существуют и транснациональные факторы проблемы. Внешняя политика мусульманских государств нередко базируется на религиозных аргументах для мобилизации общества. Взаимоотношения с другими странами, в том числе на уровне ООН или региональных организаций, осложняются тем, что каждая сторона трактует исламские ценности (и связанные с ними интересы) по-своему. При этом для исламской политики характерна дилемма глобализации. С одной стороны, технический и экономический прогресс усилил коммуникацию и внедрение либерально-рыночных ценностей по всему миру. С другой – насильственное навязывание западных «моделей развития» спровоцировало ответную реакцию в виде усиления фундаментализма и радикализма. Многие западные теоретики (Л. Адди, О. Рой, Дж.Л. Эспозито

и др.) подчеркивают, что дальнейшее сосуществование глобализационных процессов с религиозно-культурным многообразием требует более гибких и плюралистичных подходов.

В-третьих, обобщение итогов сравнительного анализа зарубежных и отечественных подходов, посвященных осмыслению реальных процессов, позволяют сделать основные выводы о том, что произошла хронологическая синхронизация ренессанса за рубежом и на постсоветском пространстве. Реисламизация в России, стартовавшая в конце 1980-х – начале 1990-х годов, совпала с общемировым подъёмом ислама и радикализацией некоторых его ответвлений. Это привело к масштабной политизации уммы на постсоветском пространстве и вызвало ожесточённые дискуссии среди исследователей и политиков.

В-четвертых, в западных исследованиях современного ислама продолжают доминировать политическая ангажированность и стереотипы. Например, в теории, особенно ориентированной на проблемы безопасности, достаточно распространён критический (или опасно-негативный) взгляд на ислам, который зачастую сводится к трактовкам «агрессивного фундаментализма». При этом игнорируется сложная внутренняя динамика мусульманских обществ и их связь с геополитикой. Одновременно недостаточно учитывается альтернативная концепция «социально-политической деятельности мусульман», когда, согласно позиции ряда отечественных и зарубежных авторов, ислам не предлагает чёткой политической доктрины, а представляет собой комплекс этических принципов, приложимых к разным социальным контекстам. Политические практики мусульман могут значительно варьироваться в зависимости от местных традиций и исторических условий.

В-пятых, важнейшее значение на современном этапе приобретает опыт джадидизма и возможность модернизации, так как исторический пример российского джадидизма (конец XIX – начало XX века) показывает, что ислам способен к модернизационным реформам, в том числе опирающимся на идеи парламентаризма и толерантности. В современных условиях такие проекты реформирования ислама вновь обретают актуальность.

В рамках новейшего западного дискурса активно разрабатывается выбор двух основных путей для мусульманской цивилизации. Опасения ряда западных мыслителей (С. Хантингтон, Б. Льюис) касаются «провала» мусульманского мира в радикализм, что может привести к глобальным конфликтам. В то же время исследователи, работающие в рамках «модернистских» и «неомодернистских» подходов, утверждают, что у ислама есть собственная традиция обновления, способная обеспечить гармоничное сочетание религиозной идентичности и политического развития.

Таким образом, анализ широкого круга западных и отечественных исследований показывает неоднозначность и многогранность феномена «политического ислама». С одной стороны, политизация ислама действительно происходит во многих странах и регионах (включая Россию), что часто сопровождается ростом радикальных настроений. С другой – внутри самого ислама заложен потенциал гибкости и модернизации, позволяющий, как это продемонстрировали представители джадидизма, адаптировать религиозные принципы к современным реалиям.

Литература

1. Адди Лахоари. Исламский вызов. Религия и модернизм в Алжире. М., 1994. С. 24–33.
2. Галлямов Р.Р. Политизация российской исламской уммы: анализ некоторых зарубежных и отечественных теоретических подходов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3(64). С. 11–16. DOI 10.28995/2658-7041-2020-1-53-65.
3. Де Монбриаль Т. Многополярность и многообразие / Т. Де Монбриаль // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 6. С. 37–48.
4. Мавляутинов И.С. Ислам, политика и современность // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 214–218.
5. Макаров Д.В. Радикализация ислама в Дагестане: возможности и пределы джихадизма // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 147–161.

6. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский радикализм. М.: Весь мир, 2006. 220 с. ISBN 5-7777-6329-1.
7. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с. С. 104–162. ISBN 5-88044-160-1.
8. Мухетдинов Д.В. Исламское обновленческое движение конца XX – начала XXI века: идеи и перспективы: диссертация доктора теологии. Санкт-Петербург, 2019, 427 с. С. 374–380.
9. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Россия и мусульманский мир. 2006. № 7. С. 182–215.
10. Рагозина С.А. Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010–2017): автореферат дисс. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Рагозина Софья Андреевна; [Место защиты: Ин-т философии РАН]. Москва, 2019. 33 с.
11. Хакимов Р.С. Джадидизм (реформированный ислам) / Р. С. Хакимов; Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань:, 2010. 208 с. ISBN 978-5-94981-153-5.
12. Юзеев А.Н. Идеология джадидизма: история и современность // Эхо веков. 2003. № 3-4. С. 126–135.
13. Esposito J.L. Islam: The Straight Path. N.Y. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. Third Edition. P. 228–232.